

В море. Ги де Мопассан

Анри Сearу[1]

На днях газеты напечатали следующее сообщение:

«Булонь-сюр-Мер, 22 января. Нам пишут:

Еще одно ужасное несчастье повергло в уныние обитателей нашего побережья, претерпевших столько утрат за последние два года. Рыболовное судно под командой его владельца Жавеля при входе в гавань было отнесено к западу и разбилось о скалистое основание волнолома.

Несмотря на все усилия спасательного бота и поданные из ракетницы лини, четверо рыбаков и юнга погибли.

Шторм не стихает. В Булони опасаются новых бедствий».

Кто этот Жавель? Уж не брат ли однорукого?

Если бедняга, смытый волной с палубы и, может быть, утонувший под обломками своего разнесенного в щепы судна, именно тот, о ком я думаю, значит, еще восемнадцать лет назад он стал очевидцем другой драмы, страшной и простой, как все драмы на море.

Жавель-старший был тогда хозяином рыбацкого баркаса.

Баркас — это судно, предназначенное главным образом для ловли рыбы. Прочный, не боящийся никакой бури, с круглым корпусом, позволяющим ему на манер пробки прыгать по волнам, вечно в открытом море, где его день и ночь хлещут тугие соленые ветры Ламанша, он без усталости бороздит океан, раздувая паруса и волоча сбоку гигантскую сеть, которая тащится по дну, отрывает от него и уносит с собой тварей, гнездящихся в расселинах скал: плоских, распластанных на песке рыб, остроусых омаров, неповоротливых крабов с крючковатыми клешнями.

При свежем ветре и некрупной волне баркас выходит на лов. Сеть его прикреплена к длинному, окованному железом деревянному брусу и опускается в воду с помощью двух пеньковых тросов, сматываемых с двух шпилей — на носу и корме. Ветер и течение уносят судно, и оно тащит за собой эту снасть, которая грабит и опустошает морское дно.

На борту, кроме Жавеля, были его младший брат, четверо матросов и юнга. Из Булони судно вышло ясным, погожим днем — в такой только и ставить сети.

Вскоре, однако, посвежело, налетел шквал, и баркасу пришлось спасаться бегством. Он приблизился к английскому берегу, но море разбушевалось — билось о скалы, бросалось на сушу и не давало войти в гавань. Суденышко повернуло назад, в открытое море, и возвратилось к берегам Франции. Но и здесь из-за шторма спасительная гавань осталась недоступной: проходить между молами сквозь стену пены и грохот бури было опасно.

Баркас снова ушел, он мчался по бурному морю, содрогаясь, ныряя, залитый, избитый волнами, но не желал сдаваться, так как привык к непогоде, из-за которой, бывало, по пять-шесть дней мотался между двумя соседними странами и никак не мог пристать ни к той, ни к другой.

Наконец ураган утих, и, так как судно находилось в открытом море, хозяин приказал становиться на сеть, хотя волна все еще была крупная.

Большой рыболовный снаряд ухнул за борт, и четверо рыбаков — по двое на носу и на корме — принялись травить державшие его тросы. Сеть уже легла на дно, как вдруг большая волна накренила баркас; Жавель-младший, который стоял на носу, распорядясь спуском сети, качнулся, и ему защемило руку между канатом, на мгновение от толчка давшим слабину, и бортом, по которому он скользил. Рыбак сделал отчаянное усилие, пытаясь свободной рукой оттянуть трос, но тот не поддавался: сеть уже встала.

Корчась от боли, несчастный позвал на помощь. Сбежалась вся команда. Старший брат оставил штурвал. Люди вцепились в трос, силясь высвободить руку, которую он размалывал. Ничего не вышло.

— Придется рубить! — решил один из матросов, выхватив из кармана нож с широким лезвием, двух взмахов которого хватило бы для спасения руки Жавеля-младшего.

Но перерубить канат значило потерять сеть, а сеть стоила денег, притом немалых — полторы тысячи франков, и принадлежала она Жавелю-старшему, не привыкшему бросаться своим добром.

С мукой в сердце он крикнул:

— Погоди рубить! Сейчас я приведу к ветру.

И, ринувшись к штурвалу, навалился к ветру.

Судно почти не сдвинулось, сеть сковывала его, лишая маневренности; к тому же баркас сносило ветром и течением.

Жавель-младший рухнул на колени. Глаза у него были безумные, но зубы стиснуты, и он молчал. Брат вторично подбежал к нему, боясь, как бы матросы не пустили в ход ножи.

— Погодите, погодите рубить! Бросай якорь!

Отдав якорь на всю длину цепи, люди метнулись к кабестану и развернули судно в надежде ослабить тросы. В конце концов это удалось, и омертвевшая рука в окровавленном шерстяном рукаве была высвобождена.

Жавель-младший словно оступел. С него сняли куртку, и глазам предстало ужасное зрелище — месиво из мяса и костей, откуда, как под действием насоса, ручьями хлестала кровь. Бедняга посмотрел на свою руку и выдавил:

— Конец!

На палубе уже краснела целая лужа, и один из матросов заорал:

— Да он же кровью изойдет! Надо жилу перетянуть.

Принесли тросик, толстый, черный, просмоленный; на руку, выше раны, наложили жгут и что есть силы затянули. Струйки крови стали жиже, потом вовсе иссыкли.

Жавель-младший встал, рука его безжизненно повисла. Он взял ее здоровой рукою, приподнял, повернул, потряс. Мясо превратилось в лохмотья, кости были раздроблены, и только мышцы мешали этому куску плоти отвалиться от тела. Рыбак мрачно смотрел на свою руку и раздумывал. Потом сел на сложенный парус, и товарищи посоветовали ему непрерывно поливать увечное место водой, чтобы не сделался антонов огонь.

Рядом с ним поставили ведро холодной воды, которую он поминутно зачерпывал кружкой и тоненькой струйкой лил на ужасную рану.

— Шел бы ты вниз, — бросил ему брат.

Жавель-младший послушался, но через час опять поднялся на палубу: в одиночестве ему стало не по себе. К тому же его тянуло на воздух. Он вновь опустился на парус и стал смачивать рану водой.

Лов шел успешно. Вокруг раненого бились в предсмертных судорогах большие белобрюхие рыбы. Он глядел на них и все поливал водой разможенную руку.

У самой Булони опять налетел шквал, и суденышко вновь начало свой безумный бег, взлетая, падая и нещадно встряхивая несчастного раненого.

Спустилась ночь. Шторм не стихал до рассвета. На заре снова показалась Англия, но волнение несколько улеглось, и баркас галсами пошел к Франции.

К вечеру Жавель-младший позвал товарищей и показал им черные пятна, грозные симптомы гангрены, на той части руки, которой уже не владел.

Рыбаки посмотрели и высказали свое мнение.

— Похоже, антонов огонь, — заметил один.

— Польем-ка морской водою, — предложил другой.

Принесли забортной воды и плеснули на рану. Жавель-младший побелел, заскрипел зубами, весь передернулся, но не застонал.

Когда боль отпустила, он сказал брату:

— Дай нож.

Тот дал.

— Подержи мою руку на весу, вот так, и оттягивай кверху.

Брат подчинился.

Тогда Жавель-младший принялся резать сам. Он резал неторопливо, старательно, одно за другим отсекая последние сухожилия острым, как бритва, лезвием; вскоре, от руки осталась лишь культя. Несчастный перевел дух и пояснил:

— Так надо. Иначе помру.

Ему, видимо, полегчало, дыхание сделалось глубоким. И он вновь стал поливать водой обрубок руки.

Ночь опять выдалась беспокойная, подойти к берегу не удалось.

Утром Жавель-младший взял свою отрезанную руку и тщательно осмотрел. Она уже разлагалась. Пришли взглянуть и остальные. Они поочередно щупали ее, поворачивали, обнюхивали.

Брат сказал:

— Бросим в море. Самое время.

Но Жавель-младший обозлился.

— Ну нет! Ну уж нет! Это мое, верно? Рука-то моя!

Он отобрал ее и положил между ног.

— Она же сгниет, — возразил старший.

Тогда несчастному пришла удачная мысль. Когда плавание затягивается, рыбу для сохранности кладут в бочки с солью

— А если ее в рассол сунуть? — спросил он.

— Дело! — одобрили другие.

Команда опростала бочку, набитую уловом последних дней. Руку опустили на самое дно, засыпали солью и опять, штука за штукой, накидали туда рыбу.

Кто-то пошутил:

— Только б о ней не забыть, когда распродажа будет.

Все, кроме братьев Жавель, рассмеялись.

Ветер по-прежнему не утихал. Уже на подходе к Булони баркасу пришлось лавировать до десяти утра следующего дня. Раненый безостановочно поливал культю водой.

Время от времени он поднимался и мерял шагами палубу.

Старший брат, стоя у штурвала, следил за ним глазами и качал головой.

Наконец судно вошло в гавань.

Врач осмотрел рану и нашел, что она в хорошем состоянии. Он сделал перевязку и предписал полный покой. Но Жавель не соглашался лечь, пока не заберег свою руку; он тут же вернулся в гавань и разыскал бочку, которую заранее пометил крестом.

Ее содержимое вытряхнули к его ногам, и он подобрал руку; она хорошо сохранилась в рассоле — даже посвежела с виду, хотя и сморщилась. Он завернул ее в припасенное полотенце и пошел домой.

Жена и дети долго рассматривали обломок отцовского тела, ощупывали пальцы, выковыривая крупинки соли из-под ногтей; затем позвали столяра, и он снял мерку для гробика.

Наутро вся команда баркаса явилась на похороны отсеченной руки. Траурную процессию возглавляли оба брата. Гробик с мертвой плотью нес под мышкой церковный сторож.

Жавель-младший не ходил больше в море. Он получил скромную должность на берегу, и, когда ему случалось рассказывать о своем несчастье, вполголоса сообщал собеседнику:

— Позволь тогда брат обрубить сеть, остался бы я при руке, это уж точно. Но он держится за свое добро.

Примечания

Напечатано в "Жиль Блас" 12 февраля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

1 Анри Сеар (1851—1924) — французский писатель, участник «Меданских вечеров», автор ряда натуралистических романов.